

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ

PROBLEMS OF REGIONAL INTEGRATION AND IMAGE POLICY

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-155-168
EDN: MQVTT0

Научная статья / Research article

Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки

К.Е. Коктыш , А.В. Ренард-Коктыш

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

 kirill.koktysh@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено когнитивному анализу текущего состояния Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) как главного института, интегрирующей сегодня экономики евразийского пространства. Анализируя положенный в основу ЕАЭС европейский принцип «четырёх свобод», авторы приходят к выводу, что дальнейшая реализация последнего будет вести не только к воспроизводству ставших сегодня явными слабостей ЕС, но и к нарастанию внутренней конфликтности, в первую очередь — между корпорациями, которые будут главным образом российскими, и государствами ЕАЭС. Предсказуемым результатом станет снижение функциональности Евразийского Союза, уже принявшее заметные формы. В дальнейшем очевидны риски превращения этой важной переговорной площадки в артефакт, не отвечающий актуальным вызовам, возникшим с началом Россией СВО. Выход авторы видят в «уровневании» принципа «четырёх свобод», де-факто перераспределяющего ресурсы в пользу корпораций, принципа безопасности, экстраполяция которого на экономическую сферу может позволить не только усилить регулируемую роль государств, но и перейти к созданию в рамках ЕАЭС производящего контура, опирающегося на евразийскую систему разделения труда. В своих теоретических построениях авторы апеллируют к успешному опыту Китая, сумевшего ввести систему морально-этических ограничений для бизнеса и тем самым сделавшего выгодным «длинное» инвестирование, ориентированное не на потребление индивида, а на процветание общества в целом.

Ключевые слова: когнитивный анализ, теория метафоры, институциональный дизайн, ЕАЭС, интеграция

© Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В. Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 155–168. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-155-168>*

New Challenges and Prospects of the Eurasian Economic Commission as a Negotiating Platform

Kirill E. Koktysh , **Anna V. Renard-Koktysh**

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 kirill.koktysh@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the cognitive analysis of the current state of the Eurasian Economic Commission, which is the main institution of integration of the economies of the Western Eurasia. Deconstruction of the European principle of the “four freedoms” that was laid down in the basis of the EAEU allows authors to conclude that further implementation of the latter will lead to the reproduction of the EU’s weaknesses that have become obvious today. Moreover, it will lead to internal conflicts, primarily between corporations, which will be mainly Russian, and the member states. The predictable result will be a decrease in the functionality of the Eurasian Union, which has already taken noticeable forms. It produces the obvious risks of turning of this important negotiating platform into an artifact that does not meet the challenges that arose with the beginning of Russia’s Special military operation. The authors see a way out in «balancing» the principle of «four freedoms», which de facto leads to redistribution of resources in favor of corporations, with the principle of security. The extrapolation of latter to the economic sphere can allow not only to strengthen the regulatory role of states, but also to move to the creation of a production circuit within the Eurasian Economic Union based on the common system of division of labor. In their theoretical constructions, the authors appeal to the successful experience of China, which managed to introduce a system of moral and ethical restrictions for business, and thereby managed to make profitable a «long» investment focused not on the consumption of an individual, but on the prosperity of society as a whole.

Keywords: cognitive analysis, theory of metaphor, institutional design, EAEU, integration

For citation: Koktysh, K.E., & Renard-Koktysh, A.V. (2024). New challenges and prospects of the Eurasian Economic Commission as a negotiating platform. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 155–168. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-155-168>

Переговоры и теория метафоры

Прежде чем приступить к рассмотрению кейса ЕЭК как переговорной площадки России и остальных стран — членов Евразийского союза, представляется уместным рассмотреть теорию переговоров, являющуюся базовой компонентой теории международных отношений [Алексеева 2018] с точки зрения их когнитивных оснований. Действительно, любая международная переговорная транзакция строится вокруг тех целей, которые ставит перед собой каждая из сторон,

а долгосрочные цели всегда имеют форму метафоры [Лакофф 2004], имплицитно содержащей в себе и картину мира, т.е. ту систему координат, из которой де-факто исходят стороны [Holsti 1976: 30], и ценности, являющиеся критерием успешности, и вытекающие из них практики [Абельсон 1987]. Политическая метафора, в свою очередь, задается семантикой доминирующего — в рамках переговорной трансакции — института, который и является главным ее бенефициаром. Таких институтов три, это институты власти, институты экономические и нормативные [Коктыш 2021a]. Институционализация переговоров, т.е. превращение переговорной площадки в международную организацию, «цементирует» сформированный метафорой дискурс, задавая рамки, направление и смыслы дальнейших трансакций.

Интерес для нас представляет ситуация, когда емкость метафоры исчерпывается: с очевидностью это происходит тогда, когда дальнейшая реализация дискурса входит в конфликт с интересами других институтов, присутствующих в договаривающихся сторонах, т.е. располагаемые ими ресурсы оказываются оспариваемыми [Jonsson 1982]. Так, например, реализация экономической интеграции — а именно она лежит в основе Евразийского союза — на определенном этапе с неизбежностью будет оспаривать те ресурсы, которыми располагают институты власти. В этой ситуации международная организация будет превращаться в реликт — отказаться от нее невозможно, поскольку вокруг нее уже создана нормативно-правовая база, но и дальше ее развивать становится невозможным [Хрусталева 2008: 70–76]. Очевидно, на практике это будет вести к фактическому саботажу дальнейших решений проигрывающими государствами-участниками и переговорная площадка становится бесполезной. Тем не менее теоретическое решение этой проблемы есть, для этого необходимо расширить смысловое пространство переговоров, привнеся в него качественно иную метафору, позволяющую учесть цели и задачи других институтов: тогда переговоры обретают новое измерение, а вместе с ним — и новый объем.

Вызовы Евразийского пространства

Уже очевидно, что глубокая конфронтация, в которой сегодня находится Россия с Западом, не ситуативна, а вполне системна: консолидированный Запад пытается отстоять прежнее однополярное устройство мировой политики, которое явно исчерпало свой ресурс и по сути перестало быть далее возможным. Соответственно, это потребует системных же ответов, предполагающих ответную консолидацию незападного мира, в один из центров которой с началом СВО по факту превратилась Россия, не только на прагматичных, но и ценностных и онтологических основаниях [Харичев и др. 2022: 9–19]. Эмансипация от западной цивилизации, частью которой мыслили себя большую часть постсоветского периода и российские элиты, — задача сложная и неодномоментная. При этом эта задача имеет не только внутреннее, но и внешнеполитическое измерение: для России критически важно в процессе трансформации удержать свою

зону цивилизационного влияния, на сегодня оформленную такими интеграционными объединениями, как ЕАЭС и ОДКБ.

Очевидно, что артикуляция системного ответа должна исходить от института государства. Однако ценностное и мировоззренческое оформление собственной инаковости, начавшееся с декларации властью принципов консерватизма и закрепления традиционных ценностей в конституции, — это ровно то, чего до сих пор пытались избегать российские элиты [Birjukov, Sergeev 1997]. Негативный опыт коллапса СССР, столкнувшегося с ригидностью советской идеологии, породил у них глубокое недоверие к любой идеологии вообще, что и было зафиксировано в статье 13 Конституции России, запрещающей доминирование любой государственной идеологии¹. Доминирующей установкой постсоветского периода надолго стал прагматизм, позволяющий ориентироваться на результат при фактическом отсутствии связывающих идеологических ограничений — попросту говоря, исключая идеологический инструмент из актуального арсенала управленческих технологий. В условиях, пока Россия, а за ней и остальные страны постсоветского пространства ставили себе целью интеграцию в мировую экономику на условиях Запада, это представлялось вполне эффективной позицией, обеспечивающей высокую свободу маневра. «За кадром», впрочем, оставался тот момент, что заимствуемые правила игры [Норт 1997] — а в строительстве ЕАЭС они были прямо заимствованы у ЕС — уже сами по себе есть идеология: их структура [Эко 1998] программирует единственно возможные исходы. Последние, разумеется, либеральные — в том смысле, что они по умолчанию предполагают международные корпорации, а не государства в качестве главных акторов на регулируемом ими пространстве.

Корпоративное строительство и стало де-факто подразумеваемой целью ЕАЭС — в его основу положен тот же принцип «четырех свобод», что и в ЕС [Полякова 2016: 66–68] — это свобода перемещения товаров, услуг, трудовых ресурсов и финансов². Его последовательная реализация, по идее, должна привести к оформлению на евразийском пространстве крупных евразийских капиталистических корпораций, которые де-факто и должны будут стать главными его интеграторами: «преимущества свободного движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы означает осознанную необходимость принятия рисков государствами – участниками ЕАЭС» [Красавина 2016: 173–174]. Надо понимать, что в отсутствии идеологических ограничений в части возможности извлечения прибыли, к примеру реализованных в Китае полтора года назад в ходе «цифровой культурной революции» [Коктыш, Ренард-Коктыш 2021: 26–46], корпорация — альтернативный государству интегратор: последнее заинтересовано в наличии общества как поддерживающего его социального субъекта, корпорация же, напротив, в его расщеплении на потребляющих индивидов. Этот императив задает сама логика потребительской экономики: самый быстрый оборот

¹ Конституция Российской Федерации.

² «Четыре свободы» в ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-02-2016-inf.aspx> (дата публикации: 02.02.2016)

денег, максимальную прибыль за минимальное время, обеспечивает навязанное потребление, когда метафора товарности распространяется на изначально чуждые ей сферы, как, например, морально-этические нормы и установки. В этом контексте ЛГБТ-повестка и трансгендерность на Западе являются в первую очередь формированием «под себя» фармакологическими корпорациями США пожизненного рынка сбыта лекарственных средств, став легальной альтернативой наркотикам. Действительно, результатом функционирования государства является порядок, корпораций — свобода: покупая продукты питания, человек приобретает свободу от голода, одежду — от холода и непогоды и т.д. Затоваривание рынков традиционных товаров логичным образом ведет к экспансии концепта свободы на нематериальные сферы: свобода от общества, свобода от государства и, наконец, свобода и от собственного тела.

Китай эту проблему решил, властью КПК имплементировав в качестве регулятивной для бизнеса нормы метафору поддержания нравственного состояния общества. Он установил жесткие морально-этические ограничения на навязанное потребление, тем самым превратив свои корпорации в конструктивную и позитивную силу: единственно возможным, и в силу этого выгодным, стало «долгое» инвестирование в рамках традиционных китайских ценностей. Однако ни в России, ни в большинстве стран ЕАЭС, за исключением Белоруссии, где после событий 2020 г. альтернативой КПК стало Всебелорусское народное собрание [Коктыш 2021b: 91–110], к системному решению этой проблемы не подошли. В этом плане, повторимся, институционально запрограммированная эволюция ЕАЭС — это развитие и усиление корпораций, не все из которых, учитывая членство в ВТО России, Армении и Киргизии, могут быть евразийскими [Перская 2016: 35–38], хотя последний фактор на сегодня сильно «уравновешивается» санкционной реальностью. По сути, речь идет о воспроизводстве на евразийском пространстве той же смысловой реальности, что и в ЕС, заданной структурой основополагающих принципов, по сути — его копии, которая по определению будет повторять оригинал. И в этом плане может оказаться прав глава европейской дипломатии Жозеп Боррель, заявивший, что «народы Запада, ЕС и США, были и остаются властелинами мира, пока устанавливают стандарты»³: ни о каком содержательном размежевании с Западом говорить не придется.

Это создает отложенную угрозу и для ЕАЭС, и для других интеграционных образований на территории бывшего Советского Союза: не говоря уже о вероятности воспроизводства слабостей ЕС [Калиш 2016: 226], в полной мере выявившихся с началом СВО на Украине — так, очевидно, что ЕС потерял значимую часть своей субъектности, — получающаяся «на выходе» ценностная одинаковость крайне затрудняет обоснование необходимости союза с Россией для входящих в ЕАЭС стран [Ткаченко 2016: 205–210]. Дальнейшее нарастание противостояния России и Запада чревато укреплением в странах Евразийского союза прозападных элит, которые будут

³ Global Progressive Forum. 2021. URL: <https://youtu.be/47xtqc2dBOM?t=2919> (accessed: 30.11.2023).

опираться на простой меседж — если мы в любом случае строим ту же самую, по сути — западную экономическую конструкцию, то конфликт России и Запада носит не цивилизационный, а ситуативный характер. Тогда какой смысл в санкционных издержках, риску которых страны ЕАЭС подвергаются вследствие ориентации на Россию? События в Белоруссии 2020 г. [Коктыш 2021b: 91–110; Пономарева 2021] в Казахстане в начале 2022 г. и политика балансирования между Россией и Западом нынешнего руководства Армении наглядно демонстрируют неиллюзорность такого рода угрозы. Вероятно, эти соображения, в числе прочих, стали аргументом для принятия Владимиром Путиным и Си Цзиньпином совместного заявления «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии»⁴, в котором решительно отвергаются попытки «отдельных государств навязывать свои демократические стандарты и присвоить себе монопольное право на оценку уровня соответствия критериям демократии»⁵, и декларируется опора России и Китая на собственные «глубокие традиции демократии, основанные на тысячелетнем опыте развития, широкой народной поддержке и учете нужд и интересов граждан»⁶.

По сути, это означает, что необходимость ценностной «отстройки» от Запада на уровне российского руководства осознана, процесс начался. В отношении Евразийского экономического объединения это будет означать, что к прагматичным основаниям его существования с неизбежностью должны быть добавлены и ценностные, которые должны стать мощными аргументами для создания общих смыслов существования евразийского пространства, ориентированного на Россию в качестве его ядра и стержня.

ЕАЭС и институциональные ограничения

По идее, СВО, обозначив выбор России в пользу создания собственной суверенной экономики, должна была интенсифицировать интеграционные процессы на евразийском пространстве, породив тренд к восстановлению — на новом уровне — советской системы разделения труда. Однако эти процессы сегодня успешно реализуются в рамках другого интеграционного объединения, Союза России и Белоруссии: последняя весьма активно и успешно включилась в процессы замещения продукции ушедших с территории России западных производителей, чему способствует сохраненный Минском советский промышленный потенциал и образовательная система подготовки квалифицированных кадров. Идет интенсивный диалог и со странами Центральной Азии — в фокусе внимания вопросы взаимодействия в области безопасности и сотрудничества

---

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 04.02.2022. URL.: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 30.11.2023).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

в гуманитарной области⁷, — но он идет в двустороннем формате, вне рамок ЕЭК, которая в новых условиях оказалась малоприспособленной для этого площадкой.

Действительно, ЕЭК с началом СВО заняла откровенно выжидательную позицию. Первая, но не единственная причина тому — явное желание ряда стран — участниц ЕАЭС дожидаться большей определенности в противостоянии России и Запада, оформляемое как намерение воздержаться от решений, которые могут стать причиной ввода Западом санкций против них. Традиционная для постсоветских стран политика балансирования, разумеется, является проблемой, но она не столь деструктивна: речь в любом случае идет не о готовности занять сторону Запада. В случае негативного для России исхода СВО, при наличии фактора Китая для стран Центральной Азии прозападная позиция невозможна. Речь идет о намерении выторговать в этом случае у Москвы новые выгоды и преференции. Вторая же, и не менее существенная причина — сама институциональная конструкция ЕЭК, ограничивающая ее мандат теми же «четырьмя свободами». «Расширить» этот концептуальный фундамент в условиях разнородности ценностных оснований правящих элит стран-участниц сегодня крайне проблематично, что существенно снижает потенциал ЕЭК как переговорной площадки: сегодня через Высший Евразийский экономический Совет, принимающий решения консенсусом, можно проводить только формально прагматические, «очищенные» от ценностей решения.

В силу этого ЕЭК сегодня функционирует в условиях конфликта между собственным устройством и задачами, которые стоят перед ней: ее дизайн, де-факто задающий прагматику принимаемых Комиссией решений, уже не отвечает тем запросам, которые возникли с началом СВО. И главным таким противоречием является взятый Россией и Белоруссией курс на всемерное сохранение и укрепление собственного суверенитета: применительно к ЕАЭС это означает необходимость превращения последнего не только в торговую, но и мощную производственную площадку. Эта цель по определению не может быть достигнута только усилиями корпораций — для ее достижения требуется постоянное участие государств, в первую очередь — российского, и масштабы такого участия существенно выходят за пределы обычного регулирования.

Нельзя сказать, что на уровне ЕЭК эта проблема не вполне осознается. Одним из признаков этого является то, что с началом СВО медийная политика ЕЭК по большому счету ушла в «информационную тень». Действительно, можно сказать, что в рамках прежнего подхода ЕЭК уже выполнила большую часть вполне нужных технических задач по гармонизации внутренних стандартов и вплотную подошла к пределу, когда дальше уже необходимы переосмысление и трансформация ее основополагающих установок. В этом плане вполне логично и даже мудро, что период громких инициатив в функционировании

---

⁷ Лавров сообщил о росте товарооборота между Россией и Белоруссией до \$45 млрд в 2022 г. 22.05.2023. URL: <https://news.rambler.ru/politics/50742437-sergey-lavrov-zayavil-o-roste-tovarov-oborota-mezhdu-rossiyei-i-belorussiei/> (дата обращения: 30.11.2023).

ЕЭК сменился относительно «тихой» политикой инкрементализма [Lindblom, Cohen 1979], когда «дорабатываются», в той степени, в какой это возможно и целесообразно, прежние проекты.

ЕЭК: политика «малых шагов»

Необходимо отметить, что инкрементализм оказался относительно эффективным инструментом применительно к обстоятельствам, позволив ЕЭК скорректировать ряд вполне системных и актуальных вещей. Так, во время председательства Армении была скорректирована стратегия ЕАЭС, идея единого пространства «От Лиссабона до Владивостока»: перестав быть реальной уже в 2014 г., она формально не была отменена, но была уравновешена проектами сотрудничества с Китаем (Экономический пояс Шелкового пути). Во время текущего белорусского председательства в ЕЭК появилась должность министра по интеграции и макроэкономике ЕАЭС, этот пост занял академик С.Ю. Глазьев, равно как и должность министра по промышленности и агропромышленному комплексу.

Эти «малые шаги» на самом деле существенны, позволяя частично преодолеть институциональные ограничения «четырёх свобод», которые до начала СВО вовсе не осмысливались в качестве таковых. Так, общая индустриальная политика [Котляров 2016: 57], а макроэкономика предполагает приближение к ней вплотную, на самом деле могла бы стать основой для формирования фундамента будущих ценностей Евразийского союза, явочным порядком вовлекая в строительство ЕАЭС в качестве полноценных участников, обладающих собственным инструментарием, институты государства. Участие в создании новой стоимости, а именно об этом идет речь в рамках индустриальной политики [Симонов 2016: 28–33], автоматически выращивает на местах заинтересованные в интеграции экономические элиты, увеличивая их удельный вес по сравнению с традиционными для большинства стран ЕАЭС, кроме Белоруссии, ориентированными на внешние рынки «рентными» элитами. По идее, экстраполяция успешного опыта белорусско-российского Союза на евразийское пространство давно назрела: закрепление за странами — участницами ЕАЭС своих уникальных позиций «акционеров» могло бы кардинально снизить внутреннюю конфликтность, и некоторые шаги в этом направлении можно делать явочным порядком, без на сегодня проблематичного внесения назревших изменений в сам дизайн ЕАЭС, когда принципы свободной торговли были бы уравновешены принципами протекционизма в критичных для каждой страны областях⁸.

Еще одним направлением развития ЕАЭС — по сути, в рамках той же политики инкрементализма — стали соглашения о зонах свободной торговли, которые заключаются с учетом нужд экономик стран союза в первую

---

⁸ Коктыш К.Е. Евразийский союз: необходима способность элит к идеологическому творчеству // Портал МГИМО. URL: <http://mgimo.ru/news/experts/document234347.phtml> (дата обращения: 11.11.2023).

очередь в части импортозамещения. Так, В 2018 г. было подписано временное соглашение с Ираном, постоянные соглашения заключены с Вьетнамом и Сингапуром, а также ведутся переговоры о ЗСТ с Египтом, Израилем, Индией, Сербией. Особый интерес в этом контексте вызывает сотрудничество с Ираном, сближение с которым успешно началось в рамках российской операции в Сирии и давно перешло на уровень доверительных и во многом партнерских отношений, позволивших перейти к созданию логистического коридора «Север — Юг», который соединит Россию, Иран и Индию. Иран поддерживает российскую СВО, исторически имеет существенное влияние в регионе Центральной Азии и в Афганистане, нацелен на борьбу с радикальными исламистами и, кроме прочего, является одним из конечных пунктов проекта Экономического пояса Шелкового Пути (ЭПШП). Однако в сегодняшнем контексте едва ли не более интересен иранский опыт многолетнего успешного развития с опорой на собственные в условиях американских санкций: Иран сумел остаться промышленной державой, в полной мере сохранив и развив собственную инженерную школу.

Кроме того, в период армянского председательства в ЕЭК возникло еще одно направление — внутренние рынки информатизации и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Направление крайне важное, и возникло оно не с нуля, в подчинение нового министра — ныне это представитель Армении Симонян В.А. — целиком вошел прежний Департамент информационных технологий, который состоял из отделов информационного обеспечения и унификации электронных документов, координации работ по созданию и развитию интегрированной информационной системы, организации эксплуатации и развития информационных систем и баз данных, и информационной безопасности. Сфера эта, как известно, крайне чувствительна, и ее развитие, порождая новые возможности, автоматически порождает и новые уязвимости. Последнее особенно актуально в свете выявившейся с началом СВО необходимости постепенного ухода России от западного оборудования и программного обеспечения — процесс, который начался, но еще далек от своего завершения. Впрочем, насколько можно судить по заявлениям управленцев ЕЭК, пока работа в этой области концентрируется в области электронной коммерции и создания внутренних рынков без барьеров и ограничений за счет улучшения обмена данными. Результативность этого направления на данный момент спорна в силу уже неоднократно упоминавшегося отсутствия у стран ЕАЭС единого ценностного видения будущего евразийского союза: прежнего проекта интеграции в мировую экономику уже по сути нет, а альтернативный еще не согласован. В этом контексте создание декларированного «ИТ-трансграничного пространства доверия» только за счет процедур согласования для обеспечения межгосударственного обмена данными и электронными документами между уполномоченными органами не выглядит сегодня достижимой целью. ИТ-интеграция, пройдя необходимый путь гармонизации базовых стандартов, затем явно наткнется на содержательные препятствия в виде несогласованности целей и задач дальнейшего развития ЕАЭС между участниками.

На этом, похоже, потенциал инкрементализма будет исчерпан. В равной мере, впрочем, представляется исчерпанным и потенциал принципа «четырёх свобод»: дальнейшее снижение возможностей правительств вмешиваться в конкуренцию корпораций и «защищать своих» будет вести к выделению крупнейших игроков, где предсказуемо основными будут российские корпорации топливно-энергетического сектора. Для остальных участников ЕАЭС таких корпораций на данный момент не просматривается в принципе⁹, что в худшем варианте будет вести к превращению Евразийского союза, по мнению Ю. Солозובה, в либеральную империю в духе Чубайса, когда российская монополия поглощает рынки сырья и рабочую силу и захватывает соседние более слабые страны¹⁰. В худшем — поскольку тогда остальные участники будут декларировать рост оппозиционных настроений в своих странах по поводу «российского империализма» и, пользуясь правом консенсуса, попросту будут блокировать те решения ЕАЭС, которые, по их мнению, будут вести к ущемлению их суверенитета. И если Минск эту проблему для себя решил на двусторонней основе, получив в рамках Союзного государства и доступ своих экономических субъектов к участию в российской госзаказе, и возможность формировать общую индустриальную политику, то для остальных участников ЕАЭС эта конфликтность остается неснятой.

Безопасность как перспективный интегратор ЕАЭС

В силу всего вышесказанного ЕЭК сегодня рискует превратиться в артефакт, в инструмент интеграции, достаточно ценный, который позволил провести гармонизацию базовых стандартов и создал для этого необходимую нормативно-правовую базу, но на данный момент выработал свой ресурс: актуальные проблемы сегодня решаются вне этого института, на двустороннем уровне. Тем не менее проблема представляется разрешимой — как минимум на концептуальном уровне. Для этого, как уже отмечалось, вполне возможно творчески переосмыслить опыт Китая, уравнившего свободу бизнеса метафорой справедливости по отношению к обществу, и уравновесить принцип «четырёх свобод» концептом безопасности. Действительно, в сегодняшних условиях именно безопасность может стать естественным интегратором Евразийского союза, обретая форматы, легитимирующие первичность роли государств в решении всех жизненно важных проблем собственных обществ. Так, на сегодня очевидно актуальна безопасность физическая, что продемонстрировали события в Казахстане в начале 2022 г. Не менее актуальной в свете распространения социальных сетей стала и безопасность информационная, свидетельством чего стала попытка «цветной революции»

⁹ Хазин М.Л. Что будет с российским предпринимательством в 2013-м. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_23116 (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁰ Эксперт: Евразийский союз не должен становиться «либеральной империей в духе Чубайса». ИА REGNUM, 2013. URL: <https://regnum.ru/article/1671770> (дата обращения: 11.11.2023).

в Белоруссии в 2020 г. В связи с взятым Россией курсом на импортозамещение естественной становится и концептуализация безопасности экономической [Гапоненко 2016: 221–225]. Геополитическая логика, имеющая в своей основе концепт безопасности, имеет хорошие перспективы своего развития и легитимации: создание самодостаточной евразийской экономики потребует восстановления в обновленном виде советской системы разделения труда там, где это возможно, и оно по определению будет опираться на экономгеографию [Григорьев 2014], т.е. на понимание сырьевых, промышленных и человеческих потенциалов стран ЕАЭС. Собственно, это ровно та логика, которая, будучи сегодня привнесенной в деятельность ЕЭК, позволит создать долгосрочную основу для конструктивного переговорного процесса с государствами — членами Евразийского союза.

Действительно, концепт безопасности в сегодняшних условиях может быть легитимно добавлен в повестку дня ЕЭК без пересмотра ее основополагающих документов: ни одно из государств-членов не будет утверждать, что он в ней не нуждается. Качественное изменение пространства «четырех свобод», а речь пойдет именно об этом, может позволить снять внутреннюю конфликтность, легитимировав разумный протекционизм там, где это необходимо, закрепив за субъектами ЕАЭС свои суверенные экономические зоны. Что едва ли не более важно, выстраивание новой системы разделения труда в рамках евразийского производящего контура будет культивировать на местах экономические элиты, заинтересованные в ЕАЭС, а не во внешних рынках.

Поступила в редакцию / Received: 14.07.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 11.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Абельсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В.М. Сергеев, П.Б. Паршин ; общ. ред. В.В. Петрова. М., 1987. С. 317–380.
- Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Гапоненко В.Ф. Развитие Евразийского экономического союза в контексте экономической безопасности Российской Федерации // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 221–225.
- Григорьев О.В. Эпоха роста: лекции по геоэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера Пресс, 2014.
- Калиш Я.В. Политические аспекты евразийской интеграции в контексте опыта ЕС // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 226–230.

- Коктыш К.Е.* Белоруссия: новая геополитическая реальность? // Полис. Политические исследования. 2021а. № 3. С. 91–110. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07>
- Коктыш К.Е.* Дискурс рационализма, свободы и демократии. М.: МГИМО-Университет, 2021b.
- Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В.* Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 26–46. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.4.67.3>
- Котляров Н.Н.* Развитие кластерных систем в контексте промышленного сотрудничества государств — участников ЕАЭС // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 55–59.
- Красавина Л.Н.* Перспективы развития евразийской интеграции от Евразийского экономического союза к экономическому и валютному союзу (в аспекте опыта зоны евро) // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 170–176.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Перская В.В.* Развитие реального сектора стран ЕАЭС и глобальные цепочки стоимости // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 35–38.
- Полякова О.В.* Формирование единого рынка ЕАЭС: препятствия на пути реализации «четырех свобод» // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 66–68.
- Пономарева Е.Г.* Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель — Observer. 2021. № 2 (373). С. 5–28.
- Сергеев В.М.* Народовластие на службе элит. М.: МГИМО-Университет, 2013.
- Симонов В.В.* Проблемы развития региональной интеграции и кредитной поддержки реального сектора экономики // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 28–34.
- Ткаченко А.А.* Культурологические аспекты развития Евразийского экономического союза в условиях глобальных вызовов // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 205–211.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
- Biryukov N., Sergeyev V.* Russian politics in transition. London: Routledge, 1997.
- Holsti O.* Foreign Policy Formation Viewed Cognitively / ed. by R. Axelrod. Structure of decision: The Cognitive Maps of Political Elites. Princeton, 1976.
- Cognitive Dynamics in International Politics / ed. by C. Jonsson.* London, 1982.
- Lindblom Ch., Cohen D.* Usable Knowledge: Social Science and Social Problem Solving. New Haven, CT: Yale University Press, 1979.

References

- Abelson, R. (1987). Structures of persuasion. In V.M. Sergeev & P.B. Parshin (Eds.), *Language and modeling of social interaction* (pp. 317–380). Moscow. (In Russian).
- Alekseeva, T.A. (2018). Contemporary political thought (XX–XXI centuries): Political theory and international relations. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Biryukov, N., & Sergeev, V. (1997). *Russian politics in transition*. London: Routledge. (In Russian).
- Eco, U. (1998). *La Struttura Assente*. S.-Petersburg, Petropolis. [Eco, U. (1998). *La Struttura assente: la ricerca semiotica e il metodo strutturale*. Bompiani].
- Gaponenko, V.F. (2016). Development of the Eurasian Economic Union in the context of Russian economic security. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges*. (pp. 221–225). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Grigoriev, O.V. (2014). *The epoch of growth. Lectures on economics. The rise and decline of the world economic system*. Moscow: Career Press. (In Russian).
- Holsti, O. (1976). Foreign policy formation viewed cognitive. In R. Axelrod (Ed.), *Structure of decision: The cognitive maps of political elites*. Princeton.
- Jonsson, C. (Ed.). (1982). *Cognitive dynamics in international politics*. London.
- Kalish, Y.V. (2016). Political aspects of the Eurasian integration in the context of the EU experience. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges*. (pp. 226–230). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Kharichev, A.D., Shutov, A.Yu., Polosin, A.V., & Sokolova, E.N. (2022). Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials) *Journal of political researches*, 6(3), 9–19. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>.
- Khrustalev, M.A. (2008). *Analysis of international situations and political expertise: Essays on theory and methodology*. Moscow: NOFMO. (In Russian).
- Koktysh, K.E. (2021a). Belarus: A new geopolitical reality? *Polis. Political studies*, 3, 91–110. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07>
- Koktysh, K.E. (2021b). *The discourse of rationalism, liberty, and democracy*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Koktysh, K.E., & Renard-Koktysh, A.V. (2021). The cognitive dimension of security. *International Trends*, 19, 4(67), 26–46. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.4.67.3>
- Kotlyarov, N.N. (2016). Development of cluster systems in the context of industrial cooperation among the EAEU member states. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 55–59). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Krasavina, L.N. (2016). Perspectives of development of the Eurasian integration from the Eurasian Economic Union to the Economic and Monetary Union (based on the experience of the euro area). In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 170–176). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Lakoff, G., & Johnsen, M. (2004). *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian). [Lakoff, G., & Johnsen, M. (2003). *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press].
- Lindblom, Ch., & Cohen, D. (1979). *Usable knowledge: Social science and social problem solving*. New Haven, CT: Yale University Press.
- North, D. (1997). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Moscow (In Russian). [North, D. (1990). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Cambridge; New York: Cambridge University Press].

- Perskaya, V.V. (2016). Development of the real sector of the EAEU member states and global value chain. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 35–38). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Polyakova, O.V. (2016). Development of the EAEU's single market: obstacles to the implementation of the "four freedoms" concep. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 66–68). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Ponomareva, E.G. (2021). Protest movement in Belarus: Evolution, technologies, symbols. *Obozrevatel — Observer*, 2(373), 5–28. (In Russ.).
- Sergeev, V.M. (2013). *Democracy in the service of the elites*. Moscow: MGIMO University. (In Russian).
- Simonov, V.V. (2016). Issues of the development of regional integration and credit support for the real sector of the econom. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 28–34). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Tkachenko, A.A. (2016). Cultural aspects of development of the Eurasian Economic Union amid global challenges. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 205–211). Moscow: Financial University. (In Russian).

Сведения об авторах:

Коктыш Кирилл Евгеньевич — доктор политических наук, профессор кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: kirill.koktysh@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7507-1669) (SPIN-код: 7619-0344)

Ренард-Коктыш Анна Витальевна — аспирант кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: renard.anna@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-8510-7406) (SPIN-код: 5466-3873)

About the authors:

Kirill E. Koktysh — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: kirill.koktysh@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6555-0391) (SPIN-code: 7619-0344)

Anna V. Renard-Koktysh — Postgraduate Student of the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: renard.anna@gmail.com) (ORCID: 0009-0002-6307-5643) (SPIN-code: 5466-3873)